

— Кстати, перед тем как я приехал, я слышал, что ваша новая жена, на которой вы женились в прошлом году, только что родила вам сына... После стольких лет вы наконец-то решились. Но зачем вы скрывали это? Почему не сказали мне? Я не смогу присутствовать на праздновании его месяца, но обязательно отправлю большой подарок...

Сяо Чаосюнь, моргая, слушал, как Му Цинфэн говорит о его заслугах и новорожденном сыне, и, несмотря на то, что его убедили взять на себя огромную ответственность, чувствовал себя немного польщенным.

Только когда Му Цинфэн, размахивая рукавами, ушел, он наконец понял, что его уговорили взять на себя огромный груз. И в этом грузе была куча мелких, но крайне важных вещей!

К тому времени, как все было организовано, на горизонте уже появился рассвет.

Трое стражей «Смертельное перо», спали они или нет, уже подготовили лошадей, зная, что этот князь больше не будет ждать и буквально рвется в городок Ухуа.

В Префектуре Аньян всю ночь царил хаос, а в городке Ухуа тоже не было покоя.

Гу Шаобай был на грани жизни и смерти, держась только благодаря чудодейственной пилюле.

Ли Чжишань за одну ночь постарел на десять лет.

Когда Му Цинфэн вошел, старик Ли дремал, держа в руках медицинский трактат. На кровати рядом лежал Гу Шаобай, его лицо было не лучше, чем когда он уезжал, губы все еще были фиолетовыми, а лицо бледным и прозрачным, словно хрупкая фарфоровая кукла.

Страж Юй У, стоявший у кровати, протянул маленький флакон и тихо сказал:

— Ваше высочество, это выпало с молодого господина, когда мы его переодевали.

Му Цинфэн взглянул:

— Что это?

Этот флакон с лекарством был хорошо знаком «Тринадцати стражам «Смертельное перо»».

Юй У ответил:

— Это жидкость для снятия маски.

Му Цинфэн кивнул, взял флакон и сказал:

— Идите, здесь не нужны услуги. Отдыхайте.

В спальне быстро воцарилась тишина. На столе сидел уставший старик, а на кровати лежал полумертвый пациент. Оба вызывали у Му Цинфэна чувство дискомфорта.

Он хотел позвать Гу Шаобая, но тот явно не мог проснуться. Он хотел позвать Ли Чжишаня, но, увидев его усталое лицо, не смог.

Примерно через час Ли Чжишань наконец проснулся. Увидев Му Цинфэна, он сначала просто мельком взглянул на него и собирался продолжить чтение.

Но вдруг он понял, кто перед ним, и, немного подумав, попытался встать.

Му Цинфэн махнул рукой:

— Господин Ли, не стоит церемониться, продолжайте свои дела!

Ли Чжишань тут же сел обратно и продолжил листать медицинский трактат. Через некоторое время он хлопнул себя по лбу, взял книгу и, покачиваясь, вышел из комнаты, словно нашел решение.

За окном уже было светло, и солнечный свет, проникая через бумажные окна, освещал Гу Шаобая, создавая вокруг него ореол света. Его изысканные черты были очерчены солнечными лучами, словно нарисованные на картине.

Му Цинфэн сжал в руке маленький флакон и очень хотел использовать эту жидкость, чтобы сорвать его маску, прижать к кровати и все выяснить!

Му Цинфэн смотрел на спокойно лежащего человека, и в его груди бушевали эмоции, каждая нить любви и боли была вырезана на его костях.

Он взял руку Гу Шаобая, лежащую на одеяле, и почувствовал, что она была холодна, как лед. Он долго согривал ее, но она не становилась теплее.

Он прижался щекой к его холодной ладони, осторожно массируя, ища тепло для него и для себя.

— Я знаю, кто ты, но не знаю, чего ты хочешь, Шаобай. Если ты очнешься, я выполню твоё желание. Если не очнешься, я позабочусь о семье Гу. Хорошо?

Прошло много времени, но ответа не последовало. Он вздохнул:

— Я сказал, что люблю тебя, и это правда. Но я не знаю, что ты думаешь... Можешь ли ты сказать мне, любишь ли ты меня? Даже если не любишь, просто очнись и скажи мне...

— Эх, я так и знал, ты не желаешь со мной разговаривать. Я притворялся Чжоу Фэном, и ты меня не любил. Я притворялся А-Чэном, и ты меня не любил. А если я Му Цинфэн, ты все равно будешь меня не любить?

Кто-то рядом бормотал, но Гу Шаобай не мог разобрать слов. Голос был далеко, как будто звал его в кошмар, спрятанный в глубине его сердца.

Он сидел на полу, чувствуя, что все его тело болит, боль была невыносимой, но он не мог кричать, словно тонул. Он мог только смотреть, как кто-то поднимает кнут. Он пытался отползти, но не мог избежать удара... Он плакал и умолял, но вокруг были только равнодушные лица. Кнут преследовал его, оставляя кровавые следы на его теле.

Вдруг все изменилось, и боль, и страх исчезли.

Был солнечный день, и он сидел под грушевым деревом в белой одежде. На коленях у него была цитра, и лепестки груши падали, словно снег. Кто-то наклонился, осторожно смахнул лепесток с его плеча и улыбнулся, как аромат груши. Этот человек закрыл его глаза, и губы коснулись его, даря сладость...

«Так хорошо», — подумал Гу Шаобай, — «остановись здесь, оставь только счастливые моменты

с Чжоу Фэном...»

Ли Чжишань вошел с чашкой лекарства и передал ее Му Цинфэну.

Гу Шаобай глотал медленно, и большая часть лекарства вытекала из уголков его рта.

Му Цинфэн вытер ему губы, поставил чашку и встал.

Холодно взглянув на него, он спросил:

— Господин Ли, вы уверены... что сможете вывести этот яд?

Ли Чжишань немного подумал:

— Могу вывести на восемь-девять десятых...

Он осторожно посмотрел на лицо Му Цинфэна.

— Этот яд состоит из семи ядовитых трав, одна из которых называется «Пронзающее сердце». Эта трава не имеет особого значения, она только усиливает общую токсичность. Если вывести остальные шесть, «Пронзающее сердце» уже не будет опасным. Но... у этой травы нет противоядия, потому что через сто дней яд сам исчезнет.

— А что будет в течение этих ста дней? — спросил Му Цинфэн.

Ли Чжишань подобрал слова и наконец сказал самое важное:

— В течение ста дней, в полночь, сердце будет разрываться от боли... Кхе-кхе... Поэтому оно и называется «Пронзающее сердце»... Но это не будет долго, всего... полчаса... или меньше...

Это было самое мягкое объяснение. Ли Чжишань осторожно смотрел на Му Цинфэна, зная, что многие аристократы имеют привычку убивать людей, когда злятся. Не знал он, есть ли такая привычка у этого человека!

Му Цинфэн, выслушав, остался спокоен:

— Понятно... Он выпил немного, приготовьте еще лекарство...

— Есть ли способ облегчить состояние?

Ли Чжишань остановился и обернулся к Му Цинфэну:

— Иглокалывание перед полуночью может уменьшить боль.

— Хм, — простонал он, снова сел и замолчал.

Ли Чжишань молча вышел, пошел на кухню и велел слуге следить за котелком с лекарством, чтобы тот не заснул, а затем вернулся в свою комнату, погруженный в мысли.

У окна стоял стол, он подошел к нему, открыл ящик и достал маленькую коробочку из сандалового дерева.

Открыв крышку, он увидел два письма и маленький мешочек размером с ладонь.

Пальцы невольно терлись о грубую ткань мешочка, и Ли Чжишань на мгновение задумался,

словно вернулся в тот дождливый день два года назад.

Тогда он уже два года не получал писем от своего ученика Фан Сяоаня. Зимой дороги были скользкие, и в его возрасте он не мог путешествовать, поэтому ждал, пока растает снег, и, не дожидаясь весны, отправился в путь.

В последнем письме Фан Сяоань писал, что его уволили с должности, и он собирается вернуться домой. Но после этого два года не было ни одного письма.

Родной город Фан Сяоаня находился в 200 с лишним ли от городка Ухуа, который был далеко от основных дорог, и путешественников здесь было мало. Даже спросить было не у кого.

После долгих двух недель пути, в дождливый и снежный день, Ли Чжишань вошел в префектуру Чучжоу и словно шагнул в ворота ада.

Перед ним предстала ужасная новость — три года назад в одну из ночей дом семьи Фан был разграблен неизвестными бандитами. Все ценности были украдены, а виновники до сих пор не найдены!

<http://bllate.org/book/16730/1538727>